

Е. В. ГЕРЦМАН,

доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института истории искусств Российской академии наук, профессор кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

РЫНОЧНАЯ ОДИССЕЯ “ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕОРЕТИКОНА”

Говорят, что собственный опыт является наиболее плодотворным, поскольку он дает возможность оценивать события не в качестве спокойного постороннего наблюдателя, а активного их участника. Именно это обстоятельство позволяет в дальнейшем, когда страсти и переживания остаются позади, досконально проанализировать ситуацию. И даже если не будут сделаны надлежащие, так сказать, теоретические выводы, то сам акт познания останется неоценимым для будущего.

Такое напоминание просто необходимо для предлагаемого сообщения. Ведь я хорошо сознаю, что сфера моих научных интересов слишком далека от проблем рынка, связанного с искусством. Мне лишь известны отдельные тенденции на рынке греческих музыкальных рукописей середины и второй половины XIX века, когда архимандрит Порфирий Успенский приобретал их на христианском Востоке, а некоторые меценаты покупали для того, чтобы затем передать в дар Императорской Публичной библиотеке. Несмотря на всю ценность этой информации, обладание ею не дает возможности точно судить о сложном и постоянно меняющемся рыночном организме. Вместе с тем, мне показалось, что мой собственный практический опыт в этой области может заинтересовать специалистов, и если даже он не пополнит арсенал сведений по этому вопросу, то лишний раз подтвердит уже известные представления. Хотя я отдаю себе полный отчет в том, что ничего радикально нового для подлинных знатоков дела не скажу, однако смею надеяться, что информация, содержащаяся в моем кратком сообщении, не пройдет бесследно для заинтересованных.

Прежде всего, немного истории.

В книгохранилищах и архивах Петербурга, среди многих уникальных памятников хранится значительное количество греческих музыкальных рукописей, которые различными путями в XIX веке попали в столицу Российской Империи: преподношения от афонского монашества, дары русских дипломатов, работавших на Востоке, путешественников, меценатов и простых читателей.

Кроме того, Императорская Публичная библиотека сама покупала некоторые рукописи. Аналогичную деятельность осуществлял в свое время и Русский археологический институт в Константинополе (1894—1914), большая часть архива которого хранится теперь в Библиотеке Российской академии наук. В результате в нашем городе оказалось уникальное собрание источников, отражающих чуть ли не десятивековую историю музыки Греческой Церкви. Но его судьба была безрадостной. По многим объективным причинам (о них должен быть особый разговор) в России XIX — начала XX века не было ни одного специалиста по греческой музыке. После же рокового 1917 года в атеистической стране Советов никого не могли заинтересовать материалы даже по русской церковной музыке, а тем более — по греческой. И, таким образом, эти уникальные источники лежали не только неисследованными, но по большей части вообще оставались неизвестными.

В то же самое время за границей (там с 30-х годов XX столетия активно стала развиваться музыкальная византистика) специалисты знали, что в Петербурге хранится замечательный фонд греческих музыкальных рукописей. Они стремились ознакомиться с ним, поскольку эти манускрипты содержали важные сведения о музыкальном быте византийской и поствизантийской церкви, о творчестве духовных композиторов. Однако те отчаянные ученые, которые все же отваживались приехать в город на Неве, оказывались ни с чем: ведь мы прекрасно помним сколько препятствий каждому из нас приходилось преодолевать во времена советской власти при попытке проникнуть в архивы и рукописные отделы библиотек. Для иностранцев же эти преграды порой оказывались непреодолимыми. И если даже некоторым из них удавалось несколько часов держать в руке какую-либо рукопись, то о подлинно научном и тщательном ее изучении не могло быть и речи. Поэтому для зарубежных исследователей греческие музыкальные рукописи Петербурга продолжали оставаться тайной, хотя интерес к ним никогда не ослабевал.

Во времена, вошедшие в нашу историю под названием “перестройка”, когда постепенно стал меняться образ жизни страны, у меня появилась надежда, что недалек тот час, когда можно будет начать публикацию отдельных источников из этого фонда. Первым и наиболее целесообразным шагом мне представлялось издание важнейших музыкально-теоретических работ. На протяжении нескольких лет я трудился в этом направлении, в результате чего получился довольно солидный *compendium*, состоящий из малых и больших трактатов по теории греческой церковной музыки: греческие тексты XIII—XVIII вв., их русские переводы и обстоятельные исторические комментарии. Книга получила название “Петербургский теоретикон” (руководство по церковной музыке).

Не скрою, что моя активность в этой работе подогревалась не только сознанием того, что я делаю нужное и важное для исследования истории музыки дело, но и тем, что появился человек, готовый вложить средства в публикацию книги. Тогда меня мало волновало, что он недостаточно профессиональный издатель, а лишь бизнесмен, надеющийся заработать на этом мероприятии. Я знал, что моего компаньона не интересовала научная ценность издания, а беспокоила только его рыночная стоимость. Во время наших частных бесед, я старался обрисовать ему реальную ситуацию, акцентируя внимание на том, что основной рынок сбыта будет находиться не в России и не в странах СНГ (сам издатель — с Украины), а за их пределами. Поразмыслив над этим, он стал настаивать на том, чтобы книга вышла исключительно на английском языке, поскольку адресована в основном не русскоязычным читателям. Понимая его обеспокоенность, я все же постоянно помнил, что в “Петербургском теоретиконе” собраны источники из петербургских архивов, являющихся нашим историческим достоянием, и с морально-этической точки зрения недопустимо забывать об отечественных исследователях и библиотеках. Поэтому было решено, что книга выйдет в форме *bilinguis*, то есть, одновременно на русском и английском языках (при этом следует помнить, что сами первоисточники даются также и на языке оригинала — по-гречески). Чтобы повысить научную ценность издания, в конце книги были приложены фотокопии всех публикуемых рукописных листов. Благодаря этому читатель получал в свое распоряжение копии оригиналов. Таким образом, было сделано все для того, чтобы книга, содержащая более 1000 страниц, оказалась на достойном научном уровне. Правда, потом оказалось, что ее полиграфическое исполнение оставляло желать

лучшего: бумага оказалась не должного качества и переплет мог быть выполнен значительно лучше (очевидно, издатель сэкономил на типографских расходах). Вместе с тем, был убежден, что для ученых, которым предназначалась книга, это все не столь важные категории, не идущие ни в какое сравнение с научным наполнением тома. Поэтому я надеялся на лучший исход.

Однако самые большие трудности, неожиданности и разочарования начались для меня после того, когда труд был закончен, а все случившееся в дальнейшем с книгой не имело никакого отношения к ее научно-музыковедческому содержанию.

Недоразумение началось тогда, когда тираж книги уже был готов. Издатель, вложивший средства в его производство, как это ни странно, внезапно отказался от распространения книги. Его мотивы сводились к тому, что он не знает рынка, не знаком с его особенностями и даже не имеет возможности вступить на "рыночную площадь", поскольку возникает много проблем со специфической рекламой, с пересылкой книг, с таможенными правилами и т. д. Чтобы до конца были ясны причины страха, возникшего у издателя, безусловно достойного человека, к которому я до сих пор отношусь с уважением, поясню, что до того времени он не то чтобы никогда не занимался изданием книг, но в его предшествующей деятельности были лишь единичные опыты по изданию и распространению одного-двух популярных изданий, да и то, в рамках лишь одного сравнительно небольшого города. Его главный и основной бизнес вращался в совершенно иных плоскостях, не имеющих ничего общего с книгоизданием. И, судя по всему, он взялся за это дело, рассчитывая на легкий финансовый успех (конечно, в валюте, поскольку основной рынок — за рубежом), не задумываясь над всеми сложностями, обязательно возникающими перед дилетантом при работе со столь серьезной книгой на незнакомом рынке. Я же не придавал большого значения отсутствию достаточного издательского профессионализма у человека, которому вручил судьбу книги (хотя по своему образованию он, кажется, действительно, работник полиграфической промышленности). Для меня была важна публикация источников, научную ценность которых я хорошо понимал.

Конечно, с точки зрения здравого смысла, сложившаяся ситуация была совершенно абсурдной. В самом деле, как мог человек, никогда не занимавшийся изданием научной литературы, рискнуть вложить средства в неизведанное для себя дело, и как он мог, затратившись на производство книги, отказаться от ее продажи? Очевидно, ответ на первую часть вопроса связан с уровнем мышления "советников", окружавших моего издателя и работавших в его фирме. Что же касается второй его части, то здесь все было намного проще. Как я теперь понимаю, моя книга была лишь мимолетным эпизодом в его бизнесе. Причем это касалось не только количества времени и энергии, затраченных им на ее производство, но и мизерной доли средств, отпущенных для достижения этой цели по сравнению с теми финансовыми операциями, которые постоянно осуществляла его фирма. Мне кажется, когда он понял, что допустил оплошность, войдя в неизвестный для себя мир, то посчитал более благоразумным потерять меньшие деньги, уже затраченные на тираж книги, чем продолжать плавание по незнакомому бурному океану, в котором можно потерять куда больше.

Как бы там ни было, но я был поставлен перед фактом: издатель, в обязанности которого, естественно, входило и распространение книги, категорически отказался заниматься ее продажей. Я был в растерянности! Что делать? Ведь для меня недопустима была сама мысль, что книга не дойдет до своего читателя. Начались активные поиски тех профессионалов, которые могли бы заняться ее распространением. Но специалисты, более или менее удачно действовавшие на книжном рынке, либо вообще отказывались связываться с научной книгой, посвященной столь специфической тематике, либо ставили такие финансовые условия, на которые мой издатель, в распоряжении которого продолжал оставаться тираж, не мог пойти. Ведь тогда он еще не потерял надежды не только вернуть затраченные средства, но и кое-что заработать (конечно, уже не столь много, сколько ему представлялось возможным в самом начале "истории").

А время шло. Ему нужно было платить и за аренду склада, и объяснять своим компаньонам, почему он не распродает давно сделанный тираж книги. Кроме того, следовало платить налог за

продукцию, от которой он не получил еще никакой прибыли. Одновременно с этим, он должен был сосредоточиться на других сторонах своего многоликого бизнеса, от которого зависело не только его процветание, но и благополучие людей, работавших в фирме. А груз тиража висел на нем и давил своей тяжестью. Постепенно я стал понимать, что он хочет избавиться от него любыми средствами. Книга, являвшаяся этапной для моей научной биографии и самой жизни, была для него лишь ничего не значащим мимолетным эпизодом, а точнее — небольшой неудачной финансовой операцией, которую нужно было быстрее пережить и сразу же забыть. Тогда мне стало ясно, что, помимо моего желания, все заботы о тираже книги ложатся на меня. Я давал себе ясный отчет в своей полной беспомощности в предстоящем деле и хорошо понимал, что это может надолго отвлечь меня от научной работы. Но другого выхода тогда я не видел.

И вот осенью 1994 года, когда уже тираж прибыл в Петербург, в крупнейшие библиотеки мира, в библиотеки университетов и специализированные научные центры, мною была разослана следующая рекламная листовка:

Evgenij Gertsman PETERSBURG THEORETICON

This edition is conceived as a publication, translation and study of Greek musical theoretical manuscripts kept in Petersburg. No manuscript has ever been published.

This book includes concise manuals on musical theory, based on the manuscripts of XIII—XVIII centuries used in the musical practice of the Greek Church. It also contains the so-called “Dialogue on intervals” of XVIII century, a manual on musical theory constructed in the form of a dialogue between the teacher and the pupil, a treatise on musical assigned to St. John of Damascus: “Explication of music”, a work of the illustrious Greek melourgos, priest Ioannes Plousiadenos (1429-1500), and “Introduction into music” created in XVIII by bishop Cyril from Tenos.

The edition present Greek primary sources, as well as their translation and study in Russian and English, and supplied with facsimile reproduction of the published manuscripts.

It is prepared by musicologist Evgenij V. Gertsman, the author of “Ancient musical thought” (Leningrad, 1986), “Byzantine musicology” (Leningrad, 1988), “Music of Ancient Greece and Rome” (Sankt-Petersburg, 1995), “Musical Boethiana” (Sankt-Petersburg, 1995) and series of articles concerning Ancient Greek and Byzantine musical theory and history.

The book “Petersburg theoreticon” has 1932 pages, including 130 colour illustrations of Greek Manuscripts. The book is printed on the offset paper 60 grams, the format 60/90 in 1/16, with a hard binding and a dustcover.

Далее указывалась цена книги и соответствующий банковский счет, на который следует перечислять деньги за книгу.

Одновременно с этим ведущие европейские научные журналы, освещающие проблемы византистики и новоэллинической культуры, получили экземпляры книги. Конечно, самым близким коллегам я также послал их в надежде, что это послужит делу популяризации издания. И начал ждать.

Но ждал я долго и напрасно. Как я понял впоследствии, крупнейшие библиотеки мира, подобно университетским и прочим, предпочитают иметь дело с диллерскими организациями, специализирующимся на продаже книг конкретного профиля. Продавцы-одиночки, вроде меня, не вызывают у них доверия. Поэтому все мои попытки распродать тираж наталкивались на хорошо организованную и давно устоявшуюся торговую сеть, которая не дает возможности проникнуть в нее случайным людям.

Вся “рыночная одиссея” закончилась следующим. В течение нескольких лет, с 1994 по 1997 годы, в России и за ее пределами было куплено около 70 экземпляров. Если же учесть, что в России книга продавалась по цене в два раза меньшей, то станет ясно, что вырученной суммы едва-едва хватило только на то, чтобы покрыть расходы, связанные с хранением тиража. А когда и они иссякли, передо мной вновь возникла сложнейшая проблема: где и как хранить книги? В минуты отчаяния

меня осенила идея передать весь тираж в дар Российской Национальной библиотеке, что я и сделал с огромной радостью, даже не поинтересовавшись мнением издателя, поскольку он фактически бросил тираж на произвол судьбы.

Теперь Российская Национальная библиотека, имеющая обширную сеть торговых связей, как в России, так и вне ее, насколько мне известно, успешно распродает тираж и активно использует его в международном межбиблиотечном обмене. Да это и не случайно, поскольку уникальные материалы, изложенные на ее страницах, слишком важны для научного освоения истории музыки.

В настоящее время я понимаю, что весь казус произошел не из-за научной слабости книги, не из-за некоторых дефектов ее полиграфического выполнения, а из-за полного пренебрежения законами рынка, успешная работа на котором доступна только профессионалам.